

УДК 81'367.625=161.1

СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД РУССКИХ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ И ПОСТРОЕНИЕ ИНВАРИАНТНОЙ ГНЕЗДОВОЙ СТРУКТУРЫ

Ю. Р. ТРЕТЬЯКОВА¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Исследуется количественно-качественное наполнение словообразовательных гнезд, вершинами которых являются эмотивные глаголы. Проводится описательный, сравнительно-сопоставительный, компонентный и количественный анализ языкового материала. Индивидуальность количественно-качественного наполнения словообразовательного гнезда обусловлена как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами: степенью актуальности потенциальной эмотивной единицы для носителя языка, наличием или отсутствием метафоричности в семантическом поле потенциально производящей единицы, а также наличием или отсутствием более употребительных лексических аналогов. Выявляются случаи асимметрии словообразовательной системы, в числе которых примеры расхождения словообразовательной мотивации (семантическая и структурная обусловленность деривата не совпадает), чересступенчатого словообразования и проникновения в структуру словообразовательного гнезда неязыковых элементов (просторечий, диалектизмов и т. д.). В связи с доминированием в словообразовании идеи системности, проявляющейся, в частности, в стремлении словообразовательных единиц к аналогии, конструируется инвариантное словообразовательное гнездо, репрезентирующее предельно типизированные деривационные вертикали и горизонталы.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо; инвариантное словообразовательное гнездо; чересступенчатое словообразование; словообразовательная мотивация; словообразовательное значение; эмотивные глаголы; номинация.

СПЕЦИФИКА ОРГАНІЗАЦЫІ СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫХ ГНЁЗДА РУСКІХ ЭМАТЫЎНЫХ ДЗЕЯСЛОВАЎ І ПАБУДОВА ІНВАРЫЯНТНАЙ ГНЕЗДАВОЙ СТРУКТУРЫ

Ю. Р. ТРЭЦЦЯКОВА^{1*}

^{1*)}Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы,
вул. Ажэшкі, 22, 230023, г. Гродна, Беларусь

Даследуецца квантытатыўна-якаснае напаўненне словаўтваральных гнёздаў, вершынямі якіх з'яўляюцца эматыўныя дзеясловы. Праводзіцца апісальны, параўнальна-супастаўляльны, кампанентны і колькасны аналіз моўнага матэрыялу. Індывідуальнасць квантытатыўна-якаснага напаўнення словаўтваральнага гнязда абумоўлена як уласна лінгвістычнымі, так і экстралінгвістычнымі фактарамі: ступенню актуальнасці патэнцыйнай эматыўнай адзінкі для носьбіта мовы, наяўнасцю ці адсутнасцю метафарычнасці ў семантычным полі патэнцыйнага дэры-

Образец цитирования:

Третьякова ЮР. Специфика организации словообразовательных гнезд русских эмотивных глаголов и построение инвариантной гнездовой структуры. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;3:77–88.

For citation:

Tretsiakova YuR. The specificity of the organisation of derivative nests Russian emotive verbs and the construction of invariant nested structure. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;3:77–88. Russian.

Автор:

Юлия Ромуальдовна Третьякова – аспирантка кафедры русской филологии филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. В. Никитевич.

Author:

Yuliya R. Tretsiakova, postgraduate student at the department of Russian philology, faculty of philology.
tretsiakovayuliya@mail.ru

вата, а таксама наяўнасцю ці адсутнасцю больш ужывальных лексічных аналагаў. Выяўляюцца выпадкі асіметрыі словаўтваральнай сістэмы, у ліку якіх прыклады разыходжання словаўтваральнай матывацыі (семантычная і структурная абумоўленасць дэрывата не супадае), перасступеньчатага словаўтварэння і пранікнення ў структуру словаўтваральнага гнязда неўзуальных элементаў (прастамоўяў, дыялектызмаў і г. д.). У сувязі з дамінаваннем у словаўтварэнні ідэі сістэмнасці, якая праяўляецца, у прыватнасці, у імкненні словаўтваральных адзінак да аналогіі, канструіруецца інварыянтнае словаўтваральнае гняздо, што рэпрэзентуе крайне тыпізаваныя дэрывацыйныя вертыкалі і гарызанталі.

Ключавыя словы: словаўтваральнае гняздо; інварыянтнае словаўтваральнае гняздо; перасступеньчатае словаўтварэнне; словаўтваральная матывацыя; словаўтваральнае значэнне; эматыўныя дзеясловы; намінацыя.

THE SPECIFICITY OF THE ORGANISATION OF DERIVATIVE NESTS RUSSIAN EMOTIVE VERBS AND THE CONSTRUCTION OF INVARIANT NESTED STRUCTURE

Yu. R. TRETSIAKOVA^a

^a*Yanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėški Street, Hrodna 230023, Belarus*

The article describes the quantitative-qualitative content of word-formation nests of emotive verbs and also builds a typical nest construction. The study is carried out through descriptive, comparative, component and quantitative analysis of the language material. The individuality of the quantitative and qualitative content of each word-formation nest, which is due to both proper linguistic and extralinguistic factors: the degree of relevance of a potential emotive unit for a native speaker, the presence or absence of metaphor in the semantic field of a potentially producing unit and the presence or absence of more popular lexical analogues. The article describes cases of asymmetry of the word-formation system, including the facts of a discrepancy between word-formation motivation (semantic and structural conditionality of the derivative do not coincide), examples of cross-step formation, penetration of non-usual elements into the structure of the word-formation nest, which is usual in its content (vernaculars, dialectisms, etc.). In connection with the dominance of systematic idea in word-formation, which manifests itself, in particular, in the desire of word-formation units for analogy, the author of the article constructs an invariant word-formation nest that represents extremely typified derivational verticals and horizontals.

Keywords: word-formative nest; invariant word-formative nest; interleaved word-formation; emotive verbs; derivational motivation; word-formative meaning; nomination.

Введение

Процессы номинации, будучи частью познания и осознания человеком окружающего мира и самого себя в нем, реализуются посредством словообразования как сферы моделирования отношений производности, которые проецируются на реальную связь между явлениями. Вместе с тем образование новых лексем, в большинстве своем основанное на уже существующих деривационных схемах, выступающих как «готовые формы представления знания о мире» [1, с. 407], ввиду отношений производности и мотивированности способно отражать пути познания окружающего мира с последующей номинацией некоторых представлений и понятий.

Важно отметить, что освоение человеком окружающей действительности и самого себя в ней невозможно без эмоций – области субъективного. В связи с этим изучение эмотивной лексики представляется наиболее актуальным в контексте словообразования. Это позволяет постичь закономерности порождения языковых единиц, служащих для называния фрагментов эмоциональной деятельности человека: становления состояния, состояния, отношения, воздействия и внешнего проявления эмоций [2, с. 65]. Представленные эмотивные фазы наиболее точно передаются в русском языке при помощи глаголов, что обусловлено генетической предрасположенностью данной части речи к передаче внутренней динамики.

Цели настоящей статьи – выявление специфики квантитативно-качественного наполнения словообразовательных гнезд, вершинами которых являются эмотивные глаголы, а также выделение типовой гнездовой конструкции.

В отечественной дериватологии существует множество дефиниций понятия «словообразовательное гнездо» и различных подходов к его изучению. Так, Е. С. Кубрякова характеризует словообразовательное гнездо с позиций деривационной ономазиологии, а именно с точки зрения его роли в номинативной деятельности субъекта словотворчества. Исследователь трактует данный термин как объединение «производных с одним корнем и с отношениями синхронной производности между ними» [3, с. 22], акцентируя внимание на деривате, как на носителе свойства двойной референции. Производная единица, номинирующая некоторое явление внешнего мира, одновременно соотносится с ним и ввиду собственной мотивированности указывает на источник исходной семантики. В свою очередь, А. Г. Лыков, сопоставляя две фундаментальные деривационные конструкции – словообразовательную парадигму и словообразовательное гнездо, рассматривает последнее как синтагматико-парадигматическое образование, дифференцирующим признаком которого является двухмерность распространения производных слов гнезда относительно его вершины [4]. Между тем Е. Л. Гинзбург под словообразовательным гнездом понимает «упорядоченную совокупность отношений мотивации между однокоренными словами» [5, с. 146]. Сходное определение приводят авторы «Русской грамматики» [6, с. 132]. Важно отметить, что некоторые исследователи наряду со словообразовательным гнездом, состоящим из лексем с единой мотивирующей основой, выделяют гиперонимическую конструкцию – деривационное гнездо, включающее также раздельнооформленные (устойчивые сочетания) и супплетивные единицы [7].

Несмотря на разнообразие трактовок данного термина, следует отметить, что теоретические основы понятия «словообразовательное гнездо» заложил А. Н. Тихонов, который наиболее полно и точно представил исследуемый языковой феномен как «...совокупность однокоренных слов, упорядоченную отношениями словообразовательной производности. Каждое слово в гнезде занимает предусмотренное системой языка и закреплённое в норме место»¹.

Таким образом, под словообразовательным гнездом стоит понимать иерархическую (древовидную) структуру, состоящую из множества однокоренных слов в их деривационной (структурной и семантической) упорядоченности, ведущей к одной непроемной вершине.

Исключительная роль гнездовой структуры в системной организации словообразования обуславливает пристальное внимание исследователей к данному языковому явлению. Отсутствие системного описания словообразовательных гнезд, вершинами которых являются эмотивные глаголы (как отдельная лексико-семантическая группа), исключает возможность конструирования инвариантных словообразовательных моделей. Создание деривационных структур разной степени абстракции в силу способности эмотивных знаков отражать действительность, преломленную через потребности и интересы носителя языка, позволяет репрезентировать пути познания человеком окружающего мира и самого себя в нем.

Материалы и методы исследования

Теоретической основой настоящей статьи послужили работы А. Н. Тихонова², В. В. Лопатина [8], Е. А. Земской [9], В. Н. Немченко [10], А. В. Никитевича [11] и других лингвистов, посвященные дериватологии и некоторым актуальным вопросам, связанным с данной дисциплиной.

Исследование словообразовательных гнезд эмотивных глаголов осуществлялось посредством описательного и сравнительно-сопоставительного анализа языкового материала. При структурно-семантическом описании членов словообразовательных гнезд применялся метод компонентного анализа. Количественный метод использовался в целях получения количественных характеристик наполнения словообразовательных гнезд. Статья базируется на синхронном подходе к изучению комплексной словообразовательной единицы.

В качестве источника для характеристики организации словообразовательных гнезд эмотивных глаголов выступили материалы, извлеченные методом сплошной выборки из «Словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова [12]. Данный словарь ориентирован на кодифицированный литературный язык и создан с позиций синхронного описания словообразовательной подсистемы. Отбор фактического материала проводится в соответствии с наличием в семантическом поле глагольной единицы общей категориально-лексической семы эмотивности. Стоит отметить, что указанный компонент значения может совпадать с лексическим значением слова, являться коннотативным либо включаться в логико-предметную часть значения.

¹Тихонов А. Н. Словообразовательное гнездо // Рус. яз. : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М. : Больш. рос. энцикл., 1997. С. 503.

²Там же. С. 503–505.

Проанализированы 70 словообразовательных гнезд, вершинами которых являются эмотивные глаголы. Вопросы семантики решались на материале грамматик и словарей современного русского литературного языка [6; 12–18].

Результаты и их обсуждение

Квантитативно-качественное наполнение каждого словообразовательного гнезда является достаточно индивидуальным и зависит от собственно лингвистического (внутренний потенциал производящей единицы на каждом этапе деривации, ее морфонологические характеристики) и экстралингвистического (степень актуальности явления окружающего мира для носителя языка) факторов. Так, в соответствии с собственной аксиологической системой человек словесно маркирует только определенные участки эмоционального состояния, «ибо уже сам выбор того или иного предмета действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [19, с. 9]. Наиболее развернутыми словообразовательными гнездами являются деривационные структуры, вершины которых представлены эмотивными глаголами *любить* (264), *пугать* (93), *хвалить* (88), *томить* (76), *манить* (68), *кричать* (62), *терпеть* (62), *ругать* (60), *плакать* (58), *надеяться* (39), *обидеть* (36) и др. Самым убедительным объяснением данной развернутости является высокая степень актуальности обозначаемой эмоциональной реакции, а также простота ее распознавания и вербализации носителем языка.

Уменьшение объема словообразовательных гнезд может быть обусловлено рядом причин: присутствием метафоричности в семантическом поле потенциально производящей единицы, в связи с чем деривационная продуктивность мотивирующей лексемы снижается (*обожать* (7), *соболезновать* (5)), наличием более употребительных лексических аналогов (*орать* (12) – *громко кричать* (62); *обожать* (7) – *сильно любить* (264); *нравиться* (2) – *любить* (264); *негодовать* (7) – *злиться* (135) ← *зло*; *соболезновать* (5) – *сопереживать* (276) ← *жить*; *измываться* (5), *глумиться* (8), *издеваться* (8) – *насмехаться* (108) ← *смех*), а также незначительной степенью актуальности самого переживания, отношения (*измываться* (5), *глумиться* (8)).

Наряду с абсолютным большинством словообразовательных гнезд, вершинами которых являются эмотивные глаголы и которые представляют собой парадигмально-синтагматические структуры, обнаружены комплексные деривационные конструкции, совпадающие со следующими единицами словообразовательной системы:

- со словообразовательной парадигмой:

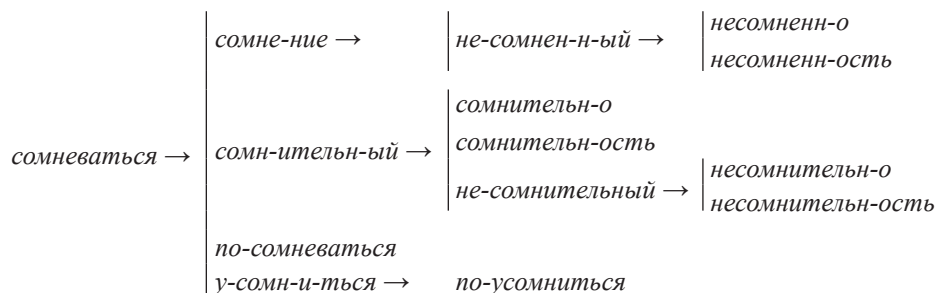
<i>нравиться</i> →	<i>по-нравиться</i>
	<i>разо-нравиться</i>
<i>лелеять</i> →	<i>лелеять-ся</i>
	<i>лелея-ние</i>
	<i>лелея-тель</i>
	<i>вз-лелеять</i>
	<i>воз-лелеять</i>
	<i>вы-лелеять</i>
	<i>по-лелеять</i>
	<i>у-лелеять</i>

- со словообразовательной парой и словообразовательной цепочкой:

благодарствовать → *благодарств-енн-ый*

Анализ частеречной организации исследуемых словообразовательных гнезд показал, что наиболее регулярно образуются глагольные и именные дериваты. Глагольные производные преобладают в количественном отношении в силу частеречной принадлежности исходного компонента, высокого потенциала глагольной деривации и распространенных отношений синонимии, антонимии и омонимии словообразовательных значений. В результате возникают словообразовательные гнезда смешанного типа. Выявлены также примеры комплексных деривационных единиц, в которых отчетливо ощущается доминирование компонентов именного происхождения с сохранением опосредованной глагольной семантики:

<i>соболезновать</i> →	<i>соболезнова-ние</i>
	<i>соболезнова-тель</i>
	<i>соболезну-ющ-ий</i> → <i>соболезнующ-е</i>

Аналогичная ситуация наблюдается в словообразовательных гнездах с вершинами *благодарить*, *забавлять*, *издеваться*, *корить* и *надоест*. Именные компоненты, возникающие на 1-й ступени деривации, становятся более актуальными в речевой практике носителя языка, стимулируют активные словотворческие процессы и обращают словообразовательное внимание на себя.

Количество ступеней словопроизводства (словообразовательная горизонталь) различное (от одноступенчатых до пятиступенчатых деривационных структур). Так, в словообразовательном гнезде с вершиной *лелеять* обнаруживается 1 ступень деривации, в словообразовательном гнезде с вершиной *ворчать* – 2 ступени деривации, в словообразовательном гнезде с вершиной *злопыхать* – 3 ступени деривации, в словообразовательном гнезде с вершиной *благодарить* – 4 ступени деривации, а в словообразовательном гнезде с вершиной *ненавидеть* – 5 ступеней деривации. Квантитативные показатели деривационной вертикали также разнообразны: словообразовательные парадигмы глагольных эмотивов насчитывают от 1 компонента (*благодарствовать*) до 108 компонентов (*любить*).

В контексте настоящего исследования важно отметить, что общенациональный язык, как сложное и многоуровневое образование, состоит из множества подсистем: литературного языка (ядро), диалектов, просторечия и т. д. Указанные субкоды представляют собой достаточно автономные структуры, ввиду чего обладают собственными деривационными системами и комплексными словообразовательными единицами. В связи с этим необходимо учитывать, что с возникновением каждого последующего деривата, приобретением определенного деривационного значения и усложнением морфемной структуры производного компонента отдаленность от исходных семантического и структурного полей растет по направлению от ядра к периферии, «а сам дериват перемещается в периферийный сектор гнезда либо выходит за его пределы» [20, с. 118]. В результате в словообразовательном гнезде выстраиваются границы, обусловленные вхождением в его состав преимущественно литературных единиц. Лексемы диалектного и просторечного происхождения выходят за пределы узальной деривационной структуры. Следует привести примеры фрагментов словообразовательных гнезд, содержащих внегнездовые элементы: *маять* → *маета* ‘прост. Утомительные, досадные хлопоты, беспокойство’ (СТСРЯ) → *маетный* ‘разг. 1. Изнурительный. 2. Утомительный, хлопотный’ (СТСРЯ) → *маетность* ‘прост. Хлопотливость, хлопотность’ (СТСРЯ); *надеяться* → *надежа* ‘прост., диал. То же, что надежда’ (ТСЖВЯ); *реветь* → *ревмя* ‘прост., диал. Очень сильно или очень громко плакать’ (СТСРЯ); *ругать* → *ругачка* ‘прост., диал. Брань, ругань’ (ТСЖВЯ) и др.

Общеизвестно, что в большинстве трудов по лексикографии (за исключением узкоспециализированных изданий) исследуется лексика русского литературного языка и не учитываются просторечия, диалектизмы, жаргонизмы и т. д. Однако границы между литературной формой существования языка и другими его вариантами являются достаточно условными и неустойчивыми. Субъект коммуникативной деятельности использует в речи как узальные, так и неузальные единицы. В связи с этим возникает вопрос о правомерности границ, установленных в рамках формирования комплексных словообразовательных единиц. Ответить на него науке о языке еще предстоит.

Таким образом, словообразовательное гнездо – это иерархически упорядоченная деривационная структура, в основе которой лежат отношения производности, отражающие восприятие носителем языка как реальных связей между явлениями (предметами, состояниями) окружающего мира, так и самого себя в нем. Данные отношения реализуются посредством словообразовательной (структурно-семантической) последовательности, которая в силу сложности и многомерности языковой системы «помимо свойств системности может также обнаруживать (в разной степени) признаки несистемности, некоторой асимметрии» [11, с. 125]. К подобным противоречиям относится явление опосредованной мотивации, реализующееся в ситуации обнаружения у производной лексемы семантически производящего компонента на расстоянии более одного словообразовательного шага. Соответственно, структурная

и семантическая мотивации не совпадают. Во фрагменте словообразовательной цепи *злыхать* → *злыхатель* → *злыхательство* интерес представляет субстантив *злыхательство* '1. Преисполненное злобы и раздражения отношение к кому-либо или к чему-либо. 2. Пребывание в таком состоянии' (СРЯ, СТСРЯ) со значением отвлеченного процессуального признака. Указанные значения лексемы не отсылают к субъекту состояния (*злыхатель*), однако ключевые лексемы дефиниции (*отношение*, *пребывание*) собственным значением процессуальности указывают на семантическую мотивированность деривата эмотивным глаголом *злыхать*. Иными словами, периферийное слово в семантическом плане оказывается ближе к вершине словообразовательного гнезда.

В словообразовательной цепи *суетить* → *суетиться* → *суетливый* обращает на себя внимание адъектив *суетливый* 'склонный к суете; проникнутый суетой' (СТСРЯ, ССРЛЯ). Данные значения лексемы свидетельствуют о явлении полимотивации, заключающемся в «возможности морфологического членения слов в пределах одного и того же типа», которая «во многих случаях зависит от различной направленности смысловых связей этого слова» [21, с. 9]. Так, лексема *суетливый* может одновременно интерпретироваться в качестве суффиксального деривата как от глагола *суетиться*, так и от субстантива *суета*. Множественность семантической мотивации единицы обуславливает множественность словообразовательной структуры деривата – соответствие двум потенциальным словообразовательным типам: образованию адъектива со значением лица, имеющего свойства того, что названо мотивирующим словом, от субстантива посредством суффикса *-лив-*, а также образованию прилагательного с семантикой лица, склонного к действию, названному мотивирующим словом, путем присоединения того же словообразовательного форманта [6]. Однако множественность деривационной структуры деривата *суетливый* в [12] не отражена, что свидетельствует о несовершенстве словарных дефиниций, поскольку лексема *суета* также является производной от глагола *суетиться* и сохраняет процессуальную семантику в опредмеченном варианте.

В качестве примеров нарушения словообразовательной системности выступают факты чересступенчатого словопроизводства. В лингвистической традиции чересступенчатую деривацию принято считать неузальной, так как путем пропуска непосредственно мотивирующего слова нарушается последовательность отношений производности в рамках словообразовательной цепи. Так, в словообразовательной паре *ворчать* → *наворчатся* производная лексема посредством словообразовательных формантов *на-* и *-ся* приобретает сатуративную и общевозвратную семантику. Подтверждением чересступенчатого характера словообразования в данном случае является «наличие в языке типовых аналогов с обязательно представленным предшествующим звеном» [22, с. 60]. Так, выделяются два типа деривационных отношений: присоединение указанных семантических характеристик ступенчато со включением на каждом этапе словопроизводства одного словообразовательного форманта (*мучить* → *намучить* → *намучиться*) и одновременное присоединение префикса *на-* и постфикса *-ся* с последующим приобретением значения совершения действия, названного мотивирующим глаголом, в достаточной степени или в избытке, а также значения достижения удовлетворения или пресыщения в результате длительного или интенсивного совершения этого действия (*маять* → *намаяться*) [6]. Аргументом в пользу чересступенчатого характера словообразования в словообразовательной паре *ворчать* → *наворчатся* является обнаружение в качестве промежуточного деривационного звена единицы *наворчат* 'устар. Наговорить неприветливых речей; изъяснить воркотней свое неудовольствие' (ТСЖВЯ). Посредством диахронического анализа словообразовательных отношений внутри деривационных цепочек, вершинами которых являются эмотивные глаголы, выявлены примеры, репрезентующие явление чересступенчатой деривации. Следует отметить, что в представленные фрагменты словообразовательных цепочек (вопреки [12]) включены промежуточные лексемы: *возбранить* → *возбранный* 'церковносл. Военный, храбрый в брани' (ПЦС) → *безвозбранный*; *грозить* → *угрожать* 'устар. Предупредить о чем-либо с угрозой' (СТСРЯ) → *угрожать*; *наругать* → *наругатель* 'устар. Тот, кто совершает надругательство' (СТСРЯ) → *наругательство*.

Таким образом, основными критериями отнесения деривационных пар к примерам непоследовательного словообразования является наличие типовых аналогов, а также обнаружение промежуточных лексических элементов при диахроническом исследовании. Ориентация на словарные дефиниции представляется автору настоящей статьи достаточно уязвимой ввиду вариативности промежуточных лексических элементов и не обладает необходимой степенью достоверности. В словообразовательной паре *ревет* → *прореветься* интерес вызывает производная лексема *прореветься* 'успокоиться после продолжительного рева, громкого плача' (СТСРЯ). В ее дефиниции обнаруживается финитивное значение

(*успокоиться*) как семантический доминант и интенсивное и пердуративное значения (*продолжительного*) как компоненты, сопровождающие семантические элементы общего лексического значения [23]. Потенциально программируемая мотивирующая единица *прореветь* дается в одной словообразовательной парадигме с глаголом *прореветься*, что ставит под сомнение необходимость поиска и сам факт существования промежуточного производно-производящего элемента. Но даже если представить глаголы *прореветь* либо *реветься* в качестве пропущенных мотивирующих единиц для деривата *прореветься*, то какой из потенциальных словообразовательных формантов станет носителем финитивного семантического компонента? Префикс *про-* в глаголе *прореветь* ‘провести какое-нибудь определенное время издавая рев, плача’ (СТСРЯ) выступает как носитель пердуративного значения [23], а примеры, в которых постфикс *-ся* обладает значением окончания действия, в словообразовательной системе русского языка не обнаружены (по крайней мере, на данный момент). Учитывая первостепенность факта аналогии в подтверждении чересступенчатого словообразования (а в отношении единицы *прореветься* аналогия не работает), можно отметить, что дистантные, на первый взгляд, словообразовательные форманты *про-* и *-ся* в данном случае выступают как единое целое и демонстрируют пример одного неразрывного словообразовательного акта – комбинированной деривации. Таким образом, подобные словообразовательные явления при условии их регулярности начинают покидать статус случаев неузуального словопроизводства и приближаются к узусу.

Принимая во внимание факт оригинальности каждого словообразовательного гнезда, вершиной которого является эмотивный глагол, стоит сказать, что отнесение вершин деривационных структур к одной лексико-семантической группе и присутствие в их семантическом поле общего компонента значения обуславливают наличие типовых словообразовательных значений, характерных как минимум для двух базовых элементов словообразовательного гнезда, что способствует возникновению инвариантной деривационной структуры. Однако в отличие от словообразовательных пар и словообразовательных цепочек словообразовательные гнезда крайне сложно поддаются типизации: чем более разветвленными и объемными они являются, тем затруднительнее составить абстрактную конструкцию на их основе. Моделирование подобных структур осложняется также фактами имплицитного словопроизводства.

В лингвистике не решен вопрос о статусе словообразовательного акта, материально не выраженного либо выраженного не словообразовательными средствами. Одни исследователи определяют данный способ деривации как безаффиксный [24; 25], другие ученые – как флективный [10; 26]. Однако самой авторитетной является точка зрения лингвистов, которые причисляют подобный тип словопроизводства к нулевой суффиксации [8; 9]. Наиболее убедительным это положение выглядит в контексте соответствия словообразовательного значения потенциальному средству его выражения. Так, лексема *вскрик* в процессе деривации приобретает словообразовательное значение отвлеченного процессуального признака [6]. Признать, что в данном случае носителем словообразовательного значения является нулевая флексия, представляется сомнительным ввиду отсутствия реально подтвержденных примеров подобных соответствий. В связи с этим достаточно логичным выглядит определение способа словообразования в паре *вскрикнуть* → *вскрик* как нулевой суффиксации. Во фрагменте словообразовательной цепи *потерпевший* → *потерпевший* (сущ.) → *потерпевшая* (сущ.) в субstantиве *потерпевшая* флексия *-ая* выступает как синкретическая морфема, выражающая одновременно грамматическое (род, число, падеж) и деривационное (значение лица женского пола) значения, что демонстрирует иную природу словообразовательных отношений, чем в словообразовательной паре *вскрикнуть* → *вскрик*. Возможность флексии совмещать формо- и словообразующие функции при условии регулярности (*неблагодарный* (сущ.) → *неблагодарная* (сущ.); *любящий* (сущ.) → *любящая* (сущ.)) позволяет говорить о флективном деривационном способе. Таким образом, наличие формообразовательного аффикса, выражающего грамматическое значение лица женского пола, которое в данном случае является дифференциальным по отношению к производящей семантике и выступает как словообразовательное значение, обуславливает перспективу выделения наряду с нулевой суффиксацией флективного способа словообразования.

За основу инвариантного гнезда взята самая разветвленная словообразовательная конструкция – словообразовательное гнездо с вершиной *любить*. Впоследствии она возматрала за счет словообразовательных структур, вершинами которых являются другие эмотивные глаголы. Словообразовательные типы (регулярные деривационные пары), входившие в ее состав, объединялись на основе однотематичности словообразовательных значений и в результате составили конечное типовое гнездо. Таким образом, получившаяся инвариантная структура словообразовательного гнезда, представленная в таблице, отражает предельно типизированные вертикали и горизонталы [6; 23].

Инвариантное словообразовательное гнездо русскоязычных эмотивных глаголов

An invariant derivational nest of Russian emotive verbs

Вершины СГ	Ступени деривации				
	1-я	2-я	3-я	4-я	
<i>баловать</i> <i>грозить</i> <i>доверить</i> <i>дразнить</i> <i>кричать</i> <i>любить</i> <i>манить</i> <i>маять</i> <i>мучить</i> <i>ненавидеть</i> <i>огорчить</i> <i>озоровать</i> <i>остеречь</i> <i>плакать</i> <i>пугать</i> <i>раздражать</i> <i>робеть</i> <i>ругать</i> <i>скучать</i> <i>страдать</i> <i>суетить</i> <i>терпеть</i> <i>томить</i> <i>улыбаться</i> <i>унуть</i> <i>хвастать</i> <i>целовать</i>	Модификационное СЗ 1. Значение возвратности • общевозвратное <i>огорчить-ся</i> <i>суетить-ся</i> • взаимновозвратное <i>ругать-ся</i> <i>целовать-ся</i> 2. Значение модификации по степени интенсивности <i>из-любить</i> <i>ис-томить</i> <i>крик-ну-ть</i> <i>на-маять-ся</i> <i>под-любл-ива-ть</i> <i>по-дразн-ива-ть</i> <i>при-манить</i> <i>при-скуч-и-ть</i> <i>пуг-ну-ть</i> 3. Значение результативности <i>в-любить</i> <i>за-манить</i> <i>из-баловать</i> <i>при-маять-ся</i> <i>раздраж-и-ть</i> <i>раз-маять</i> <i>уны-ва-ть</i> <i>у-томить</i> <i>по-целовать</i> 4. Значение временной модификации <i>воз-любить</i> <i>вы-плакать</i> <i>до-мучить</i> <i>до-ругать-ся</i> <i>о-робеть</i> <i>пред-остеречь</i> 5. Значение характера взаимоотношений субъекта и объекта действия <i>пере-дразнить</i> <i>со-страдать</i>	Модификационное СЗ 1. Значение временной модификации <i>вс-крикнуть</i> <i>за-суетиться</i> 2. Значение модификации по степени интенсивности <i>на-ругаться</i> <i>при-пугнуть</i> 3. Значение результативности <i>вы-пугнуть</i> <i>над-ругаться</i> 4. Значение характера взаимоотношений субъекта и объекта действия <i>пере-ругаться</i> 5. Значение возвратности • общевозвратное <i>влюбить-ся</i> <i>домучить-ся</i> <i>истомить-ся</i> <i>раздражить-ся</i> • взаимновозвратное <i>передразнить-ся</i> • безличное <i>прискучить-ся</i> 6. Значение имперфективации <i>заман-ива-ть</i> <i>выплак-ива-ть</i> <i>огорч-а-ться</i> <i>передразн-ива-ть</i> <i>предостерег-а-ть</i> <i>приман-ива-ть</i> <i>прискуч-ива-ть</i> <i>разма-ива-ть</i>	Транспозиционное СЗ <i>вскрик</i> <i>выплакива-ние</i> <i>заманива-ние</i> <i>надруга-тельств-о</i> <i>наруга-тельств-о</i> <i>передразнива-ние</i> <i>приманива-ние</i>	—	
			Модификационное СЗ 1. Значение имперфективации <i>влюбл-я-ться</i> <i>вскрик-ива-ть</i> <i>выпуг-ива-ть</i> <i>домуч-ива-ться</i> <i>истомл-я-ться</i> <i>передразн-ива-ться</i> <i>припуг-ива-ть</i> 2. Значение страдательности <i>передразнивать-ся</i> <i>предостерегать-ся</i> <i>приманивать-ся</i> 3. Общевозвратное значение <i>размаивать-ся</i>	Транспозиционное СЗ <i>вскрикива-ние</i> <i>выпугива-ние</i> <i>припугива-ние</i>	
			Мутационное СЗ 1. Значение отнесенности к процессу, названному мотивирующим словом <i>влюбл-енн-ый</i> <i>заман-чив-ый</i> <i>предостерега-ющ-ий</i>	Модификационное СЗ 1. Значение страдательности <i>выпугивать-ся</i>	
			Транспозиционное СЗ <i>влюбленн-ость</i> <i>истомл-ение</i> <i>предостереж-ение</i> <i>раздраж-ение</i> <i>сострада-ние</i> <i>сует-а</i> <i>утомл-ение</i>	Соединительное СЗ <i>свекл-о-утомление</i>	—
			Мутационное СЗ 1. Значение отнесенности к процессу, названному мотивирующим словом <i>возлюбл-енн-ый</i> <i>излюбл-енн-ый</i> <i>избалова-нн-ый</i> <i>оробе-л-ый</i> <i>раздраж-енн-ый</i> <i>уныв-н-ый</i> 2. Значение носителя процессуального признака <i>сострада-лец</i> <i>сострада-тель</i>	Транспозиционное СЗ <i>возлюбл-енн-ый (сущ.)</i> <i>избалованн-ость</i> <i>оробел-о</i> <i>раздраженн-о</i> <i>раздраженн-ость</i>	Модификационное СЗ 1. Значение лица женского пола <i>возлюбленн-ая (сущ.)</i>
				Модификационное СЗ 1. Субъективно-оценочное значение <i>за-унывный</i> <i>не-унывный</i>	—

Окончание таблицы
Ending table

Вершины СГ	Ступени деривации			
	1-я	2-я	3-я	4-я
<i>баловать</i> <i>грозить</i> <i>доверять</i> <i>дразнить</i> <i>кричать</i> <i>любить</i> <i>манить</i> <i>маять</i> <i>мучить</i> <i>ненавидеть</i> <i>огорчить</i> <i>озоровать</i> <i>остеречь</i> <i>плакать</i> <i>пугать</i> <i>раздражать</i> <i>робеть</i> <i>ругать</i> <i>скупать</i> <i>страдать</i> <i>суесть</i> <i>терпеть</i> <i>томить</i> <i>улыбаться</i> <i>уныть</i> <i>хвастать</i> <i>целовать</i>	Транспозиционное СЗ <i>люб-овь</i> <i>люб-я</i> <i>ненависть</i> <i>скуп-а</i> <i>терп-еж</i> <i>улыб-к-а</i>	Мутационное СЗ 1. Значение носителя процессуального признака <i>любовн-ик</i> 2. Значение отнесенности к состоянию, названному мотивирующим словом <i>любов-н-ый</i> <i>по-любов-н-ый</i> <i>скуп-н-ый</i>	Модификационное СЗ 1. Значение лица женского пола <i>любовн-иц-а</i> 2. Субъективно-оценочное значение <i>не-скупный</i> <i>пре-скупный</i> <i>скупн-еньк-ий</i> <i>скупн-ехоньк-ий</i> <i>скупн-оват-ый</i>	Транспозиционное СЗ <i>нескупн-о</i> <i>прескупн-о</i> <i>скупненьк-о</i> <i>скупнехоньк-о</i> <i>скупноват-о</i>
			Транспозиционное СЗ <i>любовн-ость</i> <i>полюбовн-о</i> <i>полюбовн-ость</i> <i>скупн-о</i>	Модификационное СЗ 1. Субъективно-оценочное значение <i>не-скупно</i> <i>скупн-енько</i> <i>скупн-овато</i>
		Модификационное СЗ 1. Значение отрицания <i>не-любовь</i> 2. Субъективно-оценочное значение <i>издевоч-к-а</i> <i>скуп-от-а</i> <i>скуп-иц-а</i> <i>улыбоч-к-а</i>	—	—
	Мутационное СЗ 1. Значение носителя процессуального признака <i>люби-тель</i> <i>одн-о-люб</i> <i>озор-ник</i> <i>хваст-ун</i> 2. Значение отвлеченного процессуального признака в сочетании с соединительным значением <i>люб-о-деяние</i> <i>люб-о-мудр-ие</i> 3. Значение отнесенности к процессу, названному мотивирующим словом, в сочетании с соединительным значением <i>довер-чив-ый</i> <i>друж-е-люб-н-ый</i> <i>люб-им-ый</i> <i>люб-ый</i> <i>люб-яц-ий</i> <i>сам-о-люб-ив-ый</i>	Соединительное СЗ <i>пол-у-улыбка</i>	—	—
		Модификационное СЗ 1. Субъективно-оценочное значение <i>пугалище</i> <i>хвастунишка</i> 2. Значение лица женского пола <i>любитель-ниц-а</i> <i>однолюб-к-а</i>	—	—
		Мутационное СЗ 1. Значение отвлеченного процессуального признака <i>любитель-ство</i> <i>самообожание</i> 2. Значение отнесенности к деятельности, занятию лица, названного мотивирующим словом <i>любитель-ск-ий</i> 3. Значение действия <i>озорничать</i>	Транспозиционное СЗ <i>по-любительск-и</i>	—
		Соединительное СЗ <i>кино-любитель</i> <i>много-любящий</i>	Мутационное СЗ 1. Значение отвлеченного процессуального признака <i>кинолюбитель-ств-о</i> 2. Значение отнесенности к деятельности, занятию лица, названного мотивирующим словом <i>кинолюбитель-ск-ий</i>	—
		Транспозиционное СЗ <i>любяц-ий</i> (сущ.) <i>люб-ый</i> (сущ.) <i>любим-ый</i> (сущ.) <i>любим-ец</i> <i>самолюб</i> <i>доверчив-ость</i> <i>дружелюб-ие</i> <i>самолюб-ие</i> <i>доверчив-о</i> <i>дружелюбн-о</i> <i>в-люб-е</i>	Модификационное СЗ 1. Значение лица женского пола <i>любим-ая</i> (сущ.) <i>любяц-ая</i> (сущ.) 2. Субъективно-оценочное значение <i>самолюбов-иц-е</i> <i>самолюбов-ицк-о</i> 3. Значение отрицания <i>не-доверчиво</i> <i>не-доверчивость</i>	—

Примечание. СГ – словообразовательное гнездо, СЗ – словообразовательное значение.

Учитывая, что регулярность является основополагающим критерием при конструировании инвариантного словообразовательного гнезда, следует отметить, что образование полипрефиксальных глаголов (*поутомиться*, *невзлюбить* и др.) в качестве единиц русского литературного языка носит, скорее, исключительный характер и не становится типовым. Напротив, диалектной подсистеме русского языка подобное явление свойственно (*завыговаривать* ‘начать упрекать’ (СРНГ), *засокрушиться* ‘начать горевать’ (СРНГ), *заостерегаться* ‘начать опасаться чего-нибудь’ (СРНГ), *запожалеть* ‘начать испытывать сожаление о чем-нибудь’ (СРНГ), *завыревливать* ‘начать плакать’ (СРНГ), *завыхвалиться* ‘начать хвалиться’ (СРНГ), *заприблажаться* ‘начать вести себя неразумно, совершать странные поступки’ (СРНГ), *запришаливать* ‘начать шалить’ (СРНГ), *запридикивать* ‘начать шалить’ (СРНГ)).

Анализ структуры инвариантного словообразовательного гнезда позволил сделать вывод о том, что для процессов словопроизводства с эмотивным глаголом в качестве исходной единицы образования дериватов характерно использование фактически всех частей речи: глаголов, субстантивов, причастий, адъективов и наречий. Наибольшая деривационная продуктивность проявляется в рамках глагольного словообразования с приобретением в подавляющем большинстве случаев модификационных словообразовательных значений. Примеры семантических мутаций единичны. В контексте глагольной деривации распространенным типом семантических отношений между производным и производящим компонентами является каузативная связь, реализующаяся зачастую на 1-й ступени словообразования в рамках оппозиции каузатив – декаузатив посредством постфикса *-ся* (*суетить* → *суетиться*, *удручить* → *удручиться*, *огорчить* → *огорчиться* и т. д.). Явление декаузации обнаруживается и на 2-й ступени деривации (*истомить* → *истомиться*).

Все последующие (3-я и 4-я ступени словопроизводства) присоединения постфикса *-ся* приводят к возникновению значения страдательности (*вспугивать* → *вспугиваться*, *выпугивать* → *выпугиваться*, *отпугивать* → *отпугиваться*). Однако декаузатив, выступающий в качестве вершины словообразовательного гнезда и являющийся морфемно немаркированным, может порождать посредством префиксов и суффиксов (что крайне редкое явление для русского словообразования) дериваты с каузативным значением (*любить* ‘испытывать любовь к кому-либо’ (СРЯ) → *влюбить* ‘заставить кого-либо испытывать любовь’ (СРЯ); *скучать* ‘испытать скуку’ (СРЯ) → *наскучить* ‘вызвать у кого-либо чувство скуки’ (СРЯ)).

При образовании производных именного и наречного происхождения сохраняется общий для всех дериватов семантический компонент процессуальности, притом глаголы с семой ‘эмоция’ создают благоприятную почву для порождения единиц с транспозиционным словообразовательным значением [27, с. 29–49].

Заключение

Словообразовательное гнездо – это парадигмально-синтагматическое образование, построенное на отношениях последовательной производности. Комплексные словообразовательные конструкции наряду с гомологичностью их квантитативно-качественного наполнения зачастую обнаруживают дифференциальные признаки, что обуславливается совокупностью собственно лингвистических (существование более употребительных лексических коррелятов, присутствие признаков метафоричности в семантическом поле потенциально производящей единицы) и экстралингвистических (степень актуальности эмоционального переживания для носителя языка) факторов.

Ступенчатая структурно-семантическая связь, выступающая в качестве основного гнездообразующего механизма, в силу динамического характера языка и мышления и их связи репрезентирует признаки асистемности. Деривационная асимметрия реализуется в расхождении структурной и семантической словообразовательных мотиваций (явления опосредованной и множественной мотиваций производных эмотивных глаголов), чересступенчатом словообразовании и в проникновении в структуру узального словообразовательного гнезда просторечий, диалектизмов и т. д. Важно отметить, что установление признаков асистемности отношений словообразовательной последовательности возможно при обнаружении в языке типовых соответствий и при диахронической перспективе исследования промежуточных лексем. Однако отнесение исследуемых единиц к одной лексико-семантической группе, а также стремление всякой системной единицы к аналогии содействуют созданию инвариантного словообразовательного гнезда, демонстрирующего наиболее панорамную картину словообразовательных закономерностей и способствующего дальнейшему исследованию путей познания человеком окружающего мира и осознания себя в нем. Тесная связь языкового мышления с внутренней формой слова обуславливает рассмотрение последней как источника национально-культурной информации. Построение типовых конструкций позволяет установить принципы работы языкового сознания при номинации различных реалий, а также признаки и ассоциации, которые ложатся в основу производных наименований.

Сокращения

ПЦС – Дьяченко Г. М. Полный церковнославянский словарь. М. : Омега-Л, 2020. 1120 с. ; **СРНГ** – Словарь русских народных говоров / редкол.: Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. М. : Наука, 1965–2007. Выпуски 1–41 ; **СРЯ** – Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1986. 797 с. ; **ССРЛЯ** – Словарь современного русского литературного языка / редкол.: В. И. Чернышёв [и др.]. М. : Акад. наук СССР, 1950–1965. 17 томов ; **СТСРЯ** – Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ, 2006. 3 тома ; **ТСЖВЯ** – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Дрофа, 2011. 4 тома.

Библиографические ссылки

1. Кубрякова ЕС. *Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира*. Москва: Языки славянских культур; 2004. 560 с.
2. Бабенко ЛГ. *Лексические средства обозначения эмоций в русском языке*. Свердловск: Издательство Уральского университета; 1989. 184 с.
3. Кубрякова ЕС. Ономастологические характеристики комплексных единиц словообразовательной системы. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей*. Ташкент: Укитувчи; 1982. с. 21–25.
4. Лыков АГ. Разграничение словообразовательного гнезда и словообразовательной парадигмы. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей*. Ташкент: Укитувчи; 1982. с. 34–38.
5. Гинзбург ЕЛ. Исследования структуры словообразовательного гнезда. В: Шаумян СК, редактор. *Проблемы структурной лингвистики. 1972. Сборник научных статей*. Москва: Наука; 1973. с. 146–225.
6. Шведова НЮ, Арутюнова НД, Бондарко АВ, Иванов ВВ, Лопатин ВВ, Улуханов ИС и др., редакторы. *Русская грамматика. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. Москва: Наука; 1980. 789 с.
7. Чинчлей ТС. Словообразовательное и деривационное гнезда. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей*. Ташкент: Укитувчи; 1982. с. 44–46.
8. Лопатин ВВ. Проблемы нулевого словообразовательного аффикса. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей*. Ташкент: Укитувчи; 1975. с. 390–402.
9. Земская ЕА. Словообразование. В: Белошапкова ВА, редактор. *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа; 1989. с. 237–379.
10. Немченко ВН. *Современный русский язык. Словообразование*. Москва: Высшая школа; 1984. 255 с.
11. Никитевич АВ. Словообразовательное гнездо как объект лингвистического моделирования. В: Радбиль ТБ, редактор. *Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина): сборник статей по материалам Международной научной конференции; 28–30 сентября 2016 г.; Нижний Новгород, Россия. Нижний Новгород: ДЕКОМ; 2016. с. 125–130.*
12. Тихонов АН. *Словообразовательный словарь русского языка*. Москва: Астрель; 2008. 2 тома.
13. Ефремова ТФ. *Современный толковый словарь русского языка*. Москва: Астрель; 2006. 3 тома.
14. Ожегов СИ. *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык; 1986. 797 с.
15. Чернышёв ВИ, редактор. *Словарь современного русского литературного языка*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1950–1965. 17 томов.
16. Даль ВИ. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва: Дрофа; 2011. 4 тома.
17. Дьяченко ГМ. *Полный церковнославянский словарь*. Москва: Омега-Л; 2020. 1120 с.
18. Филин ФП, Сороколетов ФП, редакторы. *Словарь русских народных говоров*. Москва: Наука; 1965–2007. 1–41 выпуски.
19. Вендина ТИ. *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)*. Москва: Индрик; 1998. 240 с.
20. Голянич МИ. Особенности семантической структуры словообразовательных гнезд со значением говорения. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей*. Ташкент: Укитувчи; 1982. с. 117–120.
21. Виноградов ВВ. Вопросы современного русского словообразования. *Русский язык в школе*. 1951;2:1–10.
22. Гейгер РМ. Структурно-семантические отношения в словообразовательной цепи и вопрос о потенциальных словах. В: Тихонов АН, редактор. *Актуальные проблемы русского словообразования. Сборник научных статей*. Ташкент: Укитувчи; 1982. с. 58–62.
23. Татевосов СГ. Множественная префиксация и анатомия русского глагола В: Киселева КЛ, Плунгян ВА, Рахилина ЕВ, Татевосов СГ, редакторы. *Корпусные исследования по русской грамматике*. Москва: Пробел; 2009. с. 92–156.
24. Потиха ЗА. *Современное русское словообразование*. Москва: Просвещение; 1970. 384 с.
25. Шанский НМ. *Очерки по русскому словообразованию*. Москва: Издательство Московского университета; 1968. 308 с.
26. Милославский ИГ. Свойства русских флексий. *Русский язык в школе*. 1975;3:65–69.
27. Dokulil M. *Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd; 1962. 263 s.

References

1. Kubryakova ES. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: on the way of obtaining knowledge about the language. Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur; 2004. 560. Russian.
2. Babenko LG. *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke* [Lexical means of designating emotions in Russian]. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; 1989. 184 p. Russian.

3. Kubryakova ES. [Onomasiological characteristics of complex units of the word-formation system]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation. Collection of scientific articles]. Tashkent: Ukituvchi; 1982. p. 21–25. Russian.
4. Lykov AG. [Distinguishing between word-formation nest and word-formation paradigm]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation. Collection of scientific articles]. Tashkent: Ukituvchi; 1982. p. 34–38. Russian.
5. Ginzburg EL. [Studies of the structure of word-formation nests]. In: Shaumyan SK, editor. *Problemy strukturnoi lingvistik. 1972. Sbornik nauchnykh statei* [Structural linguistics problems. 1972. Collection of scientific articles]. Moscow: Nauka; 1973. p. 146–225. Russian.
6. Shvedova NYu, Arutyunova ND, Bondarko AV, Ivanov VV, Lopatin VV, Ulukhanov IS, et al., editors. *Russkaya grammatika. Tom 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar. Volume 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow: Nauka; 1980. 789 p. Russian.
7. Chinchlei TS. [Word-formation and derivational nests]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation. Collection of scientific articles]. Tashkent: Ukituvchi; 1982. p. 44–46. Russian.
8. Lopatin VV. [Problems of the zero word-formation affix]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation. Collection of scientific articles]. Tashkent: Ukituvchi; 1975. p. 390–402. Russian.
9. Zemskaya EA. [Word-formation]. In: Beloshapkova VA, editor. *Sovremennyy russkii yazyk* [Modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola; 1989. p. 237–379. Russian.
10. Nemchenko VN. *Sovremennyy russkii yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word-formation]. Moscow: Vysshaya shkola; 1984. 255 p. Russian.
11. Nikitevich AV. [Word-formation nest as an object of linguistic modelling]. In: Radbil TB, editor. *Nauchnoe nasledie B. N. Golovina v svete aktual'nykh problem sovremennogo yazykoznaniiya (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B. N. Golovina): sbornik statei po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 28–30 sentyabrya 2016 g.; Nizhnii Novgorod, Rossiya* [Scientific heritage of B. N. Golovin in the light of actual problems of modern linguistics (to the 100th anniversary of the birth of B. N. Golovin): collection of articles on the materials of the International scientific conference; 2016 September 28–30; Nizhny Novgorod, Russia]. Nizhny Novgorod: DEKOM; 2016. p. 125–130. Russian.
12. Tikhonov AN. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* [Word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow: Astrel'; 2008. 2 volumes. Russian.
13. Efremova TF. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Astrel'; 2006. 3 volumes. Russian.
14. Ozhegov SI. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk; 1986. 797 p. Russian.
15. Chernyshev VI, editor. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1950–1965. 17 volumes. Russian.
16. Dal' VI. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow: Drofa; 2011. 4 volumes. Russian.
17. D'yachenko GM. *Polnyi tserkovnoslavianskii slovar'* [Complete Church Slavonic dictionary]. Moscow: Omega-L; 2020. 1120 p. Russian.
18. Filin FP, Sorokoletov FP, editors. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow: Nauka; 1965–2007. 1–41 issues.
19. Vendina TI. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian linguistic picture of the world through the prism of word-formation (macrocosm)]. Moscow: Indrik; 1998. 249 p. Russian.
20. Golyanich MI. [Features of the semantic structure of word-formation nests with the meaning of speaking]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation. Collection of scientific articles]. Tashkent: Ukituvchi; 1982. p. 117–120. Russian.
21. Vinogradov VV. [Questions of modern Russian word-formation]. *Russkii yazyk v shkole*. 1951;2:1–10. Russian.
22. Geiger RM. [Structural-semantic relations in the word-formation chain and the question of potential words]. In: Tikhonov AN, editor. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya. Sbornik nauchnykh statei* [Actual problems of Russian word-formation. Collection of scientific articles]. Tashkent: Ukituvchi; 1982. p. 58–62. Russian.
23. Tatevosov SG. [Multiple prefixation and anatomy of the Russian verb]. In: Kiseleva KL, Plungian VA, Rakhilina EV, Tatevosov SG, editors. *Korpusnye issledovaniia po russkoi grammatike* [Corpus studies in Russian grammar]. Moscow: Probel; 2009. p. 92–156. Russian.
24. Potiha ZA. *Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie* [Modern Russian word-formation]. Moscow: Prosveshchenie; 1970. 384 p. Russian.
25. Shanskii NM. *Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu* [Essays on Russian word-formation]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1968. 308 p. Russian.
26. Miloslavskii IG. [Properties of Russian inflections]. *Russkii yazyk v shkole*. 1975;3:65–69. Russian.
27. Dokulil M. *Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov*. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd; 1962. 263 s.